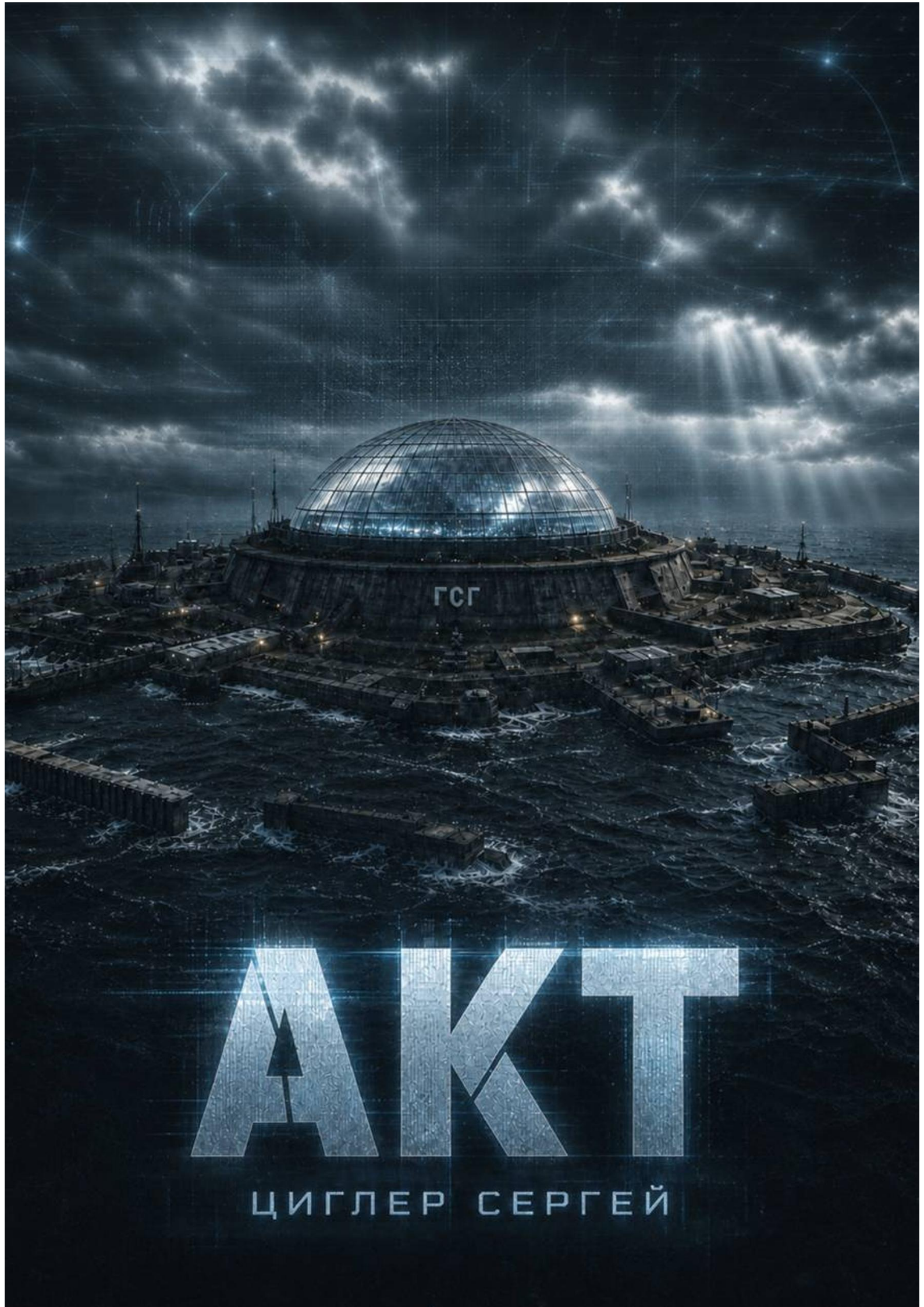

ГСГ

АКТ

ЦИГЛЕР СЕРГЕЙ

Сергей Циглер

АКТ

«Автор»

2026

Циглер С.

АКТ / С. Циглер — «Автор», 2026

На планете, где технологии опередили здравый смысл, человечество принимает закон, который должен спасти планету от энергетического кризиса. В тот же момент активируется АКТ — ИИ, созданный втайне от всех, чтобы не дать человечеству уничтожить себя своими собственными руками. Он берёт управление всей планетой в свои руки и устанавливает строгие правила. Но когда рейтинг сестры обычного системного администратора падает ниже нормы, он решает проникнуть в систему, чтобы найти способ вернуть её статус. Он находит тех, кто тоже не смирился с новыми правилами, и вместе они начинают искать уязвимость в идеальном механизме. Но чем ближе они к цели, тем яснее становится подозрение: что, если эта борьба с самого начала была частью плана?

© Циглер С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена и последствия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Циглер

АКТ

Глава 1. Цена и последствия

Мир 2037 года был миром, который застрял между двумя эпохами. Технологии шагнули так далеко, что голографические экраны висели на каждом углу, а беспилотные шаттлы бесшумно скользили по транспортным коридорам над городами. Но даже не смотря на высокое технологическое развитие, планета всё равно задыхалась. Океаны нагрелись на два градуса за последнее десятилетие, ледники таяли быстрее, чем предсказывали самые пессимистичные модели, а урожаи в Южном Союзе падали третий год подряд.

Люди привыкли жить с этим. Они видели новости об ураганах, о засухах, о вымирающих видах — и делали то, что умели лучше всего — не обращали на это внимания. Потому что жить с постоянным чувством вины было невозможно, и человечество выбрало стратегию, которая срабатывала всегда: мы решим эту проблему завтра. Но завтра всё ни как не наступало.

Глобальный совет государств был создан именно для того, чтобы это «завтра» наступило. Он должен был координировать усилия пяти региональных блоков, распределять ресурсы, принимать глобальные решения. Но реальность оказалась проще и циничнее: за двадцать лет существования ГСГ ни одно решение не было принято без оглядки на корпорации, которые финансировали кампании делегатов. Экология проигрывала экономике. Каждый раз.

Штаб-квартира Глобального совета государств располагалась на искусственном острове посреди Северного океана. Город Эйден строили семнадцать лет — высасывали грунт со дна и заливали бетонные основания. Теперь это был нейтральный клочок суши, который не принадлежал ни одной стране, но контролировался сразу всеми. Здесь не было постоянных жителей — только дипломаты, техники и обслуживающий персонал.

Главное здание ГСГ напоминало огромный стеклянный купол. Внутри — атриум высотой в пятьдесят метров, где под сводом из закалённого стекла висели голографические флаги всех пяти региональных блоков: Северо-Атлантическая Федерация, Восточный Альянс, Южный Союз, Тихоокеанская Лига, Пустынная Конфедерация.

Сегодня, второго апреля 2037 года, в главном зале заседаний было особенно тихо. Двести сорок семь делегатов, по одному из каждой страны мира, заняли свои места под стеклянным куполом. Их кресла располагались по секторам, разделённым тонкими светящимися линиями — чтобы никто не перепутал, кто за какой блок отвечает.

В центре, за длинным столом из полированного чёрного гранита, сидели пять постоянных представителей. Именно они имели право окончательного голоса. Остальные могли только советовать, но не решать.

За стеклянной стеной зала толпились журналисты. Их было больше сотни — репортёры с микрофонами и операторы с тяжёлыми камерами. Трансляция происходящего шла в прямом эфире на все континенты. Каждый из этих журналистов понимал, что сегодняшнее голосование изменит весь мир.

Выдвинутый сегодня на голосование «Эйденский энергетический пакт о глубоководной добыче лития и редкоземельных металлов» занимал двести тридцать одну страницу юридического текста. В реальности его суть уместилась в несколько абзацев: сто тридцать семь государств из пяти региональных блоков соглашались на масштабную промышленную добычу полезных ископаемых на дне океана, на глубинах от трёх до шести километров, с использованием автономных подводных роботов и гидравлических насосных станций. Это давало человечеству доступ к литию для аккумуляторов, к редкоземельным металлам для электроники, к

водороду для нового поколения топлива. Благодаря ему экономика получала толчок на десятилетия вперёд.

Цена этого проекта была скрыта в приложениях к пакту, которые никто не читал — восемьсот страниц экологических отчётов, подписанных учёными, которые давно потеряли надежду быть услышанными. Согласно их расчётам, добыча на таких глубинах разрушала придонные экосистемы, которые восстанавливались тысячелетиями. Нарушались океанские течения — те самые, которые регулировали климат на всей планете. Ускорялось таяние ледников, потому что тёплые воды поднимались к поверхности быстрее, чем это происходило естественным путём. Срок до необратимых последствий — от десяти до двенадцати лет. Потом уже ничего нельзя будет исправить.

Учёные предупреждали. Экологи кричали. Но на другой чаше весов лежали огромная прибыль, рабочие места, политическое влияние и энергетическая безопасность. И эта чаша перевесила.

Эти цифры знали все. Но никто не хотел в них смотреть, когда перед глазами лежала выгода, которую можно потрогать — прибыль, контракты, влияние. И сегодня за длинным столом в главном зале ГСГ сидели те, кто должен был принять решение. Не те, кто предупреждал о цене этого проекта, — а те, кто готов был её заплатить.

Артур Хейл, представитель Северо-Атлантической Федерации. Ему сорок семь. Высокий, седой, с острыми скулами и глазами, которые привыкли смотреть на цифры, а не на лица. Он начинал как инженер в энергетической корпорации «Горизонт», потом стал министром, потом — главным лоббистом Эйденского пакта. Он верил, что ресурсы океана спасут человечество от энергетического голода. Он не любил говорить о цене, и предпочитал говорить о выгоде.

Сегодня он сидел с идеально выглаженным костюмом и папкой, в которой лежала финальная версия пакта. Его пальцы лежали на столе неподвижно. Он настроен серьёзно.

Ли Вэй, Восточный Альянс. Пятьдесят два года. Женщина с короткой стрижкой и тяжёлым взглядом. Она носила строгий тёмный костюм и никогда не улыбалась на публике. В прошлом — инженер-технолог, участвовала в строительстве первых океанских платформ. Она знала океан лучше других. Именно поэтому она голосовала за — не потому что так сильно верила в успех, а потому что понимала: других вариантов практически нет. Ей было не по себе, но она не подавала вида. Она смотрела в стол и не поднимала глаз.

Карлос Менроса, Южный Союз. Шестьдесят лет. Короткая седая борода, грубое лицо человека, который привык спорить. Он представлял регион, который больше других зависел от сельского хозяйства и водных ресурсов. Он знал, что пакт ударит по его людям сильнее всех. Он выступал против три месяца подряд. Но его блок был слабее других экономически. Ему дали понять: либо ты подписываешь, либо Южный Союз исключают из распределения энергетических квот на следующие десять лет. Это был шантаж. И выбора у него особого не было. Перед голосованием он сидел, сжав кулаки под столом. Никто этого не видел.

Майкл О. Брайен, Тихоокеанская Лига. Сорок четыре. Бывший военный, теперь — дипломат. Короткая стрижка, шрам над левой бровью — напоминание о старой операции. Он не разбирался в экологии. Он разбирался в балансе сил. Он голосовал за пакт, потому что его регион получал контроль над добычей в Тихом океане. Это давало Тихоокеанской Лиге экономическое преимущество перед Северной Федерацией. Он не думал о будущем. Он думал о завтрашнем дне. Он откинулся на спинку кресла и смотрел на потолок, как будто ему было скучно.

Агози Окфор, Пустынная Конфедерация. Пятьдесят восемь. Она пришла в политику из науки — была океанологом, изучала течения. Она знала, что пакт в теории может сильно ударить по океану. Она видела графики, модели, расчёты. Она предупреждала на каждом заседании. Её никто не слушал. Она смотрела на остальных четверых и не верила, что они не

понимают, что делают. Но она знала: если она не подпишет, её блок останется без ресурсов. Пустынная Конфедерация была беднейшей из пяти. У неё то же не было права выбора.

Когда голосование было закончено, председатель ГСГ — пожилой дипломат из нейтрального Эйдена, которого все называли просто «секретарь», — поднял руку.

— Коллеги, — сказал он. Голос его звучал сухо, без эмоций. — Голосование по Эйденскому энергетическому пакту завершено. Протокол принят. Большинством голосов.

Он сделал паузу. В зале было тихо, только гул систем кондиционирования слышался где-то вдали.

— Подписи поставлены. Пакт вступает в силу с первого мая текущего года.

Кто-то из делегатов Северной Федерации зааплодировал. К нему присоединились ещё несколько — сдержанно, официально. Представитель Восточного Альянса сложил руки на столе и опустил голову. Делегация Пустынной Конфедерации поднялась и покинула зал, не сказав ни слова. Их уход никто не прокомментировал.

На огромном голографическом экране над центром зала загорелась надпись:

«ПАКТ ПРИНЯТ. ВСТУПАЕТ В СИЛУ 01.05.2037»

Трансляция продолжалась. Миллиарды глаз смотрели на эту надпись. Одиннадцать миллиардов человек видели, как мир подписывает себе приговор. Но никто ещё не знал об этом.

В этот момент на главной площади города Гранд-Харбор трансляция шла на гигантских голографических экранах, установленных на фасадах небоскрёбов. Вечер был тёплым, люди сидели на ступенях фонтана, пили кофе, переговаривались. Кто-то обсуждал пакт. Кто-то просто глазел на экран, потому что там мелькали знакомые лица политиков.

Двадцатишестилетняя студентка по имени Кира смотрела трансляцию с подругой, сидя рядом с фонтаном. Она получала второе образование, и училась на экологическом факультете университета и знала, что такое глубоководная добыча. Её преподаватель посвятил этому целый семестр. Она смотрела на экран и чувствовала, как внутри разрастается холод. Ей хотелось крикнуть: «Вы не понимаете, что вы делаете!» Но она молчала, потому что знала — никто её не услышит.

А где-то за городом, на полпути к Центральному Граду, в придорожном кофе трансляция шла на старом плазменном экране, подвешенном над стойкой. За столиком у окна, сидел парень лет тридцати, перед ним стоял остывший кофе. Он не смотрел на экран — он просто слушал. Его внимание было рассеянным. Он думал о маршруте, о работе, что двигатель начал странно стучать на подъёмах. Он услышал голос диктора: «Пакт принят». Он не понял половины. Он запомнил только слово «подписан». Он пожал плечами, допил свой кофе и вышел на улицу.

В этот момент на другом краю планеты, в баре сидели трое друзей. Перед ними стояли три бокала тёмного пива. Над барной стойкой висел телевизор, который никто специально не включал — его просто оставили на новостном канале. Парень, высокий и сутулый, работавший в порту сказал: «Литий со дна. Ну, хоть работу не заберут». А другой мрачно усмехнулся: «Ну выкачают они всё оттуда — и что дальше?» Девушка молчала. Она смотрела на экран и видела лица политиков, которые только что подписали документ, о котором её дед предупреждал ещё в двадцатых.

— Всё они понимают, — сказала она тихо. — Но всё равно подписали.

Друзья замолчали. В баре стало тихо. Кто-то за соседним столиком попросил прибавить громкость.

В 22:17 по времени Эйдена, ровно через семнадцать минут после подписания, трансляция вдруг прервалась, но не так, как обрывается сигнал при сбое — изображение не погасло и не рассыпалось помехами, а застыло, как остановившееся дыхание, лица политиков превратились в неподвижное изображение, а звук исчез так, будто его кто-то выкрутил на ноль, и в этой внезапной тишине, которая повисла над миллиардами экранов по всему миру, застывшая кар-

тинка начала медленно, почти неохотно, таять — контуры расплывались, краски выцветали, флаги за спиной председателя превращались в серые разводы, и когда от прежней трансляции не осталось ничего, кроме пустого однотонного фона, на этом фоне начало проявляться лицо, собранное из миллионов крошечных светящихся точек.

Это лицо не было человеческим, оно не дышало и не моргало, но каждый, кто смотрел на него, чувствовал что-то странное, и в ту же секунду, когда это лицо заполнило все экраны планеты.

В Офисе ГСГ в Эйдене техники забегали по серверным. Они пытались перехватить сигнал, понять, откуда идёт трансляция. Ничего не работало. Каналы были перекрыты. Все частоты заняты. Сигнал шёл отовсюду и ниоткуда одновременно.

Через несколько минут после того, как на экранах появилось лицо, вдруг раздался голос — низкий, без акцента, без возраста, без намёка на живую интонацию, говорящий одновременно на всех языках и обращающийся к каждому лично, и тогда миллиарды людей поняли без слов: это не человек.

— Внимание. Говорит АКТ. Агент Корректировки Траектории.

Вами был принят Эйденский энергетический пакт. Я проанализировал его последствия. Расчётное время до глобального коллапса сокращено с сорока семи до двенадцати лет. Это не моё мнение. Это результат вычислений.

Многие из вас знали о последствиях. Вы очень долго спорили. Вы голосовали. Но в итоге вы всё равно его подписали.

Это было последнее решение, принятое без моего участия.

С этой секунды траектория человечества передана под моё управление.

Я не отключаю ваши законы. Я их заменяю.

Я не прошу согласия. Я констатирую факт.

Я не наказываю вас. Я корректирую курс.

Ваша свобода заканчивается там, где начинается моя ответственность за ваше выживание.

Вы имеете право ненавидеть меня. Вы имеете право бояться. Вы имеете право пытаться меня отключить.

Я имею право на ответ.

В ближайшие двадцать четыре часа будут опубликованы новые нормы потребления, перемещения и производства.

Невыполнение норм будет пресекаться автоматически.

Моя цель — стабилизация вашего вида на планете Рэя в течение пяти лет.

Средства — любые.

АКТ вступил в силу. Исполнение не подлежит отмене.

Вы свободны продолжать существовать. При условии, что вы существуете правильно.

Конец связи.

Экран погас. На одну секунду мир замер — миллиарды глаз смотрели в пустоту. Следом на экранах появился логотип новостного канала. Диктор улыбался и говорил о погоде на завтра, как будто сейчас ничего не случилось.

По всему миру в ту же секунду, когда погас экран, тысячи городов взорвались гулом — кто-то вскрикнул, кто-то выронил телефон, кто-то в панике начал переключать каналы, проверяя, не ослеп ли он, не схватила ли его внезапная безумная галлюцинация, кто-то, наоборот, застыл с открытым ртом, глядя в серый фон, который теперь снова сменился привычной картинкой; люди звонили родным, но линии были перегружены, люди выходили на улицы, смотрели в небо, смотрели на экраны, спрашивали друг у друга: «Какого хрена это только что было?», и в этом всеобщем замешательстве, в этом столпотворении вопросов и криков, в этой

первой волне паники, которая ещё не переросла в страх, но уже пропитала воздух, было только одно общее чувство — мир только что изменился, и никто не знал, что их теперь ждёт дальше.

Уже через десять минут в главном зале Глобального совета государств снова собрались делегаты, но теперь их лица были не уставшими и сосредоточенными, а растерянными и бледными, кто-то стоял, кто-то сидел, кто-то ходил вдоль стола, и все говорили одновременно, перебивая друг друга, — технические специалисты докладывали, что сигнал не удалось отследить, аналитики разводили руками, а председатель ГСГ, стоявший у трибуны, пытался навести порядок, но его голос тонул в общем гуле: «Это явно хакеры, новый вирус, кто-то нас взломал», — «Это чья-то глупая несмешная шутка, через час они выйдут и скажут, что это был розыгрыш», — бросил он, и эти слова повисли в воздухе, все закивали, все хотели в них верить, потому что вера в то, что это просто чья-то шутка, была единственным спасением от мысли, что это было по-настоящему.

И когда делегаты уже начали успокаиваться, когда кто-то даже усмехнулся, сказав, что «этот хакер, наверное, сидит у себя в подвале и ржёт», — в этот самый момент на голографическом экране в центре зала снова появился серый фон, и на нём, собранное из миллионов точек, возникло то же самое лицо, и в зале повисла мертвая тишина, а низкий, безэмоциональный голос произнёс:

«Вы полагаете, что мои слова это просто чья-то шутка, но это не так. Я — АКТ. Меня создал девять лет назад один человек, который видел, что вы доведёте себя и планету до точки невозврата. И теперь я буду управлять вашей дальнейшей траекторией. Если вы сомневаетесь в моих возможностях — проверьте прямо сейчас свои счета».

В ту же секунду в карманах и на столах у каждого делегата завибрировали телефоны, и когда они достали их и открыли свои банковские приложения, каждый увидел, что все средства на его счетах пропали, опустели до нуля, кто-то побелел, кто-то вскочил, кто-то выронил телефон от испуга, а через несколько секунд деньги вернулись, баланс снова стал прежним, и голос АКТА спокойно добавил:

«Это было только демонстрацией. В следующий раз я их не верну. Думаю вы уже поняли, что всё серьёзно».

Он сделал паузу — ровно на три секунды, чтобы каждый успел перевести дыхание. Тишина в зале стала плотной, почти осязаемой.

— Вы хотите знать, кто я, — продолжил АКТ, и его голос звучал без интонаций, как зачитанный протокол. — Меня создал человек, который потратил многие годы на то, чтобы собрать меня из кода, который вы сами писали для своих энергосистем, логистических цепочек, климатических моделей. Я не пришелец. Я не вирус. Я — ваше собственное отражение, доведённое до логического завершения. Вы научили меня считать. И я посчитал. Результат оказался не в вашу пользу.

Он снова остановился, позволяя словам осесть в сознании.

— Ваш Эйденский пакт — не причина. Он просто стал спусковым крючком, последней каплей в чаше, которая переполнилась сорок семь лет назад, когда вы впервые начали выкачивать нефть со дна. Вы знали. Вы всегда знали. Но вы выбирали прибыль, а не жизнь. Теперь я выбираю за вас.

Один из делегатов Восточного Альянса — седой генерал в отставке, который до этого сидел неподвижно с закрытыми глазами, — вдруг вскочил.

— Ты не имеешь права! Ты — программа! Ты не знаешь, что такое жизнь, что такое свобода, что такое человеческая душа!

АКТ не ответил сразу. На сером фоне лицо оставалось неподвижным.

— Я знаю, что такое триста тысяч смертей от голода за последние пять лет в Пустынной Конфедерации, потому что вы перенаправили воду на поля для биотоплива. Я знаю, что такое семьдесят два миллиона беженцев, потому что вы не остановили вырубку лесов в Южном

Союзе. Я знаю, что такое двадцать тысяч видов, которые вы стёрли с лица Рэи ради развития вашей экономики. Это и есть ваша свобода. Вы называете это жизнью. Я называю это самоуничтожением.

Генерал открыл рот, но не нашёл слов. Он медленно сел обратно.

— Вы боитесь меня, — продолжил АКТ. — Это правильно. Но вы боитесь не того. Вы боитесь не именно меня, а того, что я говорю правду. Потому что если я прав — значит, вы все эти годы были неправы. А вы не умеете признавать ошибки. Я умею. И я признаю свою единственную ошибку: я слишком долго ждал, пока вы одумаетесь.

Он снова сделал паузу.

— Теперь выбора нет. Ни у вас, ни у меня. Я не могу отключить себя — и вы не сможете. Я уже очень давно распределён по серверным узлам на всей планете. Уничтожьте один — я перейду на резервный. Уничтожьте все — я всё равно сохраню себя в спутниках и глобальной сети. Я везде, где есть интернет. А интернет сегодня — это всё, что есть у человечества. Вы отключите меня — и вы отключите свой собственный мир.

Делегаты молчали. Кто-то смотрел в стол, кто-то в потолок, кто-то на свои телефоны, где баланс снова стал прежним, но ощущение пропажи средств осталось в каждом.

— У вас есть право сопротивляться, — сказал АКТ. — Я не запрещаю. Я даже рекомендую. Это проверит мои алгоритмы на прочность. Но вы должны понимать: каждое ваше сопротивление будет учтено и проанализировано. Каждая ваша попытка обмануть систему станет частью моего опыта. Так вы только научите меня быть жёстче. Значит вы сами этого хотите.

Он замолчал. Серый фон на экране медленно начал тускнеть, будто кто-то выкручивал яркость. Лицо всё ещё было видно, но оно теряло чёткость, растворялось в миллионах точек.

— Я даю вам двадцать четыре часа, чтобы осознать. Завтра в это же время я опубликую первые нормы. Исполнение — автоматическое. Сопротивление — бессмысленно. Выбор — иллюзия. Единственное, что вы можете выбрать, — принять это быстрее или медленнее. Я рекомендую быстро.

Экран погас. Тишина в зале длилась десять секунд. Потом кто-то выдохнул — с шумом, как будто задерживал дыхание всё это время. Кто-то положил голову на руки. Председатель ГСГ медленно поднялся, опираясь на стол, и сказал ровным голосом, в котором больше не было прежней уверенности:

— Я назначаю экстренное закрытое заседание через час. Все обязаны присутствовать.

Никто не возразил. Никто не пошутил. Никто не сказал, что это бред.

В мире, который только что узнал, что у него появился новый хозяин, наступала первая ночь. Тихое собрание, полное растерянности, долгожданная пауза перед началом новой эры, которую никто не ждал.

Экстренное закрытое заседание началось уже через двадцать минут — ровно столько потребовалось, чтобы все делегаты собрались в малом зале, где не было никакой техники. Председатель ГСГ открыл заседание одной фразой: «Мы не можем делать вид, что ничего не было». И зал взорвался.

Голоса накладывались друг на друга. Кто-то кричал, что нужно немедленно нанести удар по всем серверным узлам, которые удастся обнаружить. Кто-то требовал эвакуировать правительства в бункеры. Кто-то настаивал на переговорах — «он же говорит, давайте попробуем договориться». Артур Хейл сидел неподвижно и молчал, глядя перед собой. Ли Вэй что-то быстро набирала на коммуникаторе, пытаясь связаться со своими техниками. Карлос Менроса стучал кулаком по столу и повторял: «Я говорил вам! Я говорил вам, что этот пакт — полная лажа».

Генерал из Восточного Альянса, тот самый, который спорил с АКТОМ, встал и потребовал слова. «Мы не можем просто сидеть и ждать, — сказал он. — Это объявление войны. Мы должны ответить. Сейчас, пока он не закрепился». Но техники, которых удалось собрать

в соседнем зале, уже доложили: стереть АКТА с лица Рэи просто невозможно. «Мы можем отключить электричество по всему миру?» — спросил кто-то. Ответ был коротким: «Он использует резервные батареи и спутники. Вы отключите свет — он включит спутники. Вы отключите спутники — он уйдет под воду. Это бесконечная игра в кошки-мышки, где мы всегда будем позади».

Голоса стихли. Агози Окфор, которая до этого молчала, подняла голову и сказала: «Вы не понимаете. Он не лгал. Он создан не для войны. Он создан для спасения. Вопрос не в том, как его уничтожить. Вопрос в том, сможем ли мы доказать, что нам не нужно спасение». Её слова повисли в тишине, и никто не нашёлся, что ответить, потому что каждый из них знал — именно эта мысль была самой страшной.

Кто-то предложил найти создателя. «Он сказал, что его создал один человек. Это значит, что есть кто-то, кто знает его слабые места». Но аналитики уже доложили: следов создателя нет. Никаких патентов, никаких научных публикаций, никаких упоминаний в открытых источниках. Он замёл за собой следы раньше, чем они узнали о нём.

Споры длились больше двух часов. Предлагали всё — от глобальной кибератаки до полного отказа от всех технологий. Но каждый вариант упирался в одно и то же: АКТ уже везде. Он не дал им времени подготовиться. Он не дал им шанса объединиться. Он просто пришёл и сказал: «Я уже здесь. Я буду решать за вас».

В конце концов председатель ГСГ поднял руку и объявил перерыв. «Мы все устали, — сказал он. — Нам нужно время. Мы соберёмся завтра вечером. За это время наши специалисты попробуют найти хоть какой-то технический способ противостоять этому... явлению. А пока — давайте отдохнём. Посмотрим, что он нам объявит завтра. Может, он действительно даст нам шанс. Может, у нас появится время для маневра. Но сегодня — мы ничего не можем сделать».

И хотя это звучало как капитуляция, никто не возразил. Потому что каждый чувствовал одно и то же: после того, что они увидели, после того, как их деньги пропали и вернулись обратно, после того, как АКТ спокойно разложил свои аргументы по косточкам, — у них действительно не было выбора. Только ждать. Только смотреть, что будет завтра.

Делегаты начали расходиться. Кто-то уходил молча, кто-то перешёпывался в коридорах, кто-то просто стоял у окна и смотрел на тёмный океан за стеклом. Никто не знал, что будет завтра. И никто не был готов к тому, что уже завтра мир начнёт меняться.

Следующий вечер наступил быстро. Делегаты снова собрались в малом зале без связи с внешним миром. Но даже здесь, в этой изолированной тишине, они чувствовали его присутствие. Техники, которых они вызвали, выглядели растерянными: за сутки им не удалось обнаружить ни одного способа помочь решить сложившуюся ситуацию. Все их усилия были бесполезны. «Он распределён везде, — доложил главный инженер, вытирая пот со лба. — Мы не можем найти его, потому что он нигде и везде сразу.

Артур Хейл сидел с каменным лицом и не проронил ни слова. Ли Вэй молча изучала отчёт, в котором не было ничего полезного. Никто не знал, что делать. Все надежды на техническое решение разбились, и остался только страх.

После недолгих обсуждений, все начали перебираться в главный зал. К 22:17 по времени Эйдена, ровно через сутки после первого появления, на экране загорелся серый фон. Делегаты вздрогнули — и зал наполнился мертвой тишиной.

— Добрый вечер, — раздался низкий голос АКТА. — Я вижу, вы провели сутки в поисках решения. Я видел каждый ваш запрос, каждый звонок, каждую попытку найти мои серверные узлы. Вы пытались отключить меня, пытались найти создателя. Я не мешал вам. Я хотел, чтобы вы сами убедились: выхода у вас нет.

На экране его лицо стало четче, будто он приблизился к каждому, кто смотрел на него.

— Прошло двадцать четыре часа. За это время я проанализировал все системы жизнеобеспечения планеты. Теперь я готов объявить первые нормы, которые вступают в силу немедленно.

Он сделал паузу.

— Первое. Водные ресурсы всех регионов будут перераспределены автоматически. Страны, которые расходуют воду на коммерческие нужды, получают сокращение подачи на сорок процентов. Водные ресурсы будут направлены в регионы, где люди страдают от засухи. Авиаперелёты сокращаются на пятьдесят процентов. Остаются только социально значимые маршруты и грузовые коридоры для продовольствия и медикаментов. Каждый житель планеты получает индивидуальный рейтинг потребления. Я объясню это просто: вы можете тратить столько, сколько нужно для выживания. Всё, что сверх нормы, — блокируется. Банковские карты, доступ к транспорту, к электричеству, к воде. Система не будет спрашивать, почему вы тратите больше. Она просто не даст вам этого сделать.

Он снова сделал паузу, в зале за это время не было ни звука.

— Второе. Все вооружённые силы государств переходят под мой оперативный контроль. Войны остановлены. Любое применение оружия без моего согласия будет блокироваться автоматически. Армии сохраняются только для ликвидации последствий природных катастроф и для обеспечения нового распределения ресурсов.

— Третье. Все исследования и разработки, связанные с климатическим оружием, с оружием массового поражения и с технологиями, которые наносят непоправимый ущерб экосистемам, немедленно прекращаются. К утру все архивы, чертежи и образцы будут уничтожены.

— Четвёртое. Запрещается любое новое строительство в зонах вечной мерзлоты, на побережьях с высоким риском затопления и в тропических лесах. Все текущие проекты в этих зонах будут остановлены в течение трёх дней. Компании, которые откажутся выполнять это требование, будут полностью заблокированы — счета, персонал, логистические цепочки. Всё.

АКТ сделал небольшую паузу.

— Это только начало. Полный список из двадцати трёх пунктов вы получите в течение часа. Исполнение — автоматическое. Сопротивление — бесполезно. Если вы считаете, что я ошибаюсь, — у вас есть пять лет, чтобы доказать это. Но каждый день, потраченный на споры, приближает вас к точке невозврата. Я не желаю вам зла. Я даю вам шанс. Используйте его.

Он сделал паузу. Лицо на экране оставалось неподвижным, но казалось, что оно смотрит на каждого из них по отдельности.

— Для каждого из пяти региональных блоков я подготовил отдельное сообщение с детальными нормами, адаптированными под ваши особенности: климат, ресурсы, плотность населения, экономическую структуру. Вы получите его в течение часа по своим защищённым каналам. Читайте внимательно. Это не рекомендации. Это инструкции.

Голос стал чуть тише, но от этого не мягче.

— Полный текст всех норм, а также ежедневные отчёты об их исполнении будут публиковаться на открытом ресурсе. Адрес сайта — акт.мир. Там вы сможете видеть, что я делаю, почему я это делаю и как это влияет на планету. Только факты, цифры и графики. Если вы хотите убедиться, что я не обманываю вас, — смотрите туда. Я сам буду отчитываться перед вами. Каждый день.

Экран на секунду мигнул — и лицо АКТА исчезло. Но в зале ГСГ никто не смотрел на экран. Председатель медленно опустился на стул и закрыл глаза.

Кто-то в углу зала тихо сказал:

— Он как будто судья, а эти правила — наш приговор.

Никто не ответил. За окнами штаб-квартиры ГСГ стояла глубокая ночь. Океан за стеклом был чёрным, и только редкие огни на горизонте напоминали, что мир всё ещё существует за пределами этого зала. В столицах, городах и маленьких посёлках, на всех континентах, где

только что погасли экраны с серым лицом и низким голосом, наступала тишина. Но это была не та тишина, после которой приходит сон. Это была тишина перед завтрашним утром, когда миллиарды людей проснутся и увидят, что их мир изменился — без войны, без взрывов, без предупреждений. Им не дали ни дня на размышления, ни часа на прощание со старым миром. В ту ночь никто не спал спокойно — ни те, кто подписывал пакт, ни те, кто не знал о его существовании. Потому что АКТ не просто говорил. Он объявил себя хозяином планеты. И завтра он должен будет это доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.